

ОБРАЗЫ ЕВРОПЕЙСКОГО МИРА РАННЕЙ НОВОЙ ИСТОРИИ В ЛЕКЦИОННОМ КУРСЕ Т. Н. ГРАНОВСКОГО

О. Н. Шевцова

Южный федеральный университет

Поступила в редакцию 1 ноября 2015 г.

Аннотация: курс лекций Т. Н. Грановского по ранней новой истории западноевропейских стран (XV–XVI вв.) содержит яркие художественные образы исторических личностей того времени. Это позволяет более полно и конкретно, через судьбы людей, представить характер и особенности сложных исторических явлений и процессов при переходе от средневековья к новой истории.

Ключевые слова: лекционный курс, историография, литературное произведение, образ, человек в истории.

Abstract: the course of lectures of T. N. Granovsky on an early modern history of the West European countries (the XV–XVI centuries) contains bright artistic images of historic figures of that time. It allows more fully and specifically, through destinies of people, to present character and features of the difficult historical phenomena and processes upon transition from the Middle Ages to a modern history.

Key-words: lecture course, historiography, literary work, image, person in the history.

Курс лекций Т. Н. Грановского по ранней новой истории западноевропейских стран содержит в себе черты и научного исторического труда, и литературного произведения. В этом отношении он типичен для историографии эпохи романтизма, отличавшейся сочетанием признаков научности и художественности. Общий сюжет и отдельные сюжетные линии в лекционном курсе находят соответствие с исторической концепцией Грановского. В ней западноевропейская история XV–XVI вв. представлялась как трудный, зачастую мучительный выход из средневековья к историческим горизонтам, которые открывались человечеству в новое время.

Вместе с тем, поскольку история относится к сфере гуманитарно-социального познания, объектом ее исследования являются не только государственные институты, учреждения и социальные структуры. Не меньшее место занимают в историческом познании люди и отдельный человек. В их жизни и деятельности находили проявление масштабные исторические явления и процессы, развитие государства и общества. Внимание к человеку в истории являлось отличительным признаком исторической мысли эпохи романтизма, объектом изучения которой оказывались конкретные феномены истории и культуры, и прежде всего люди, с которыми они были связаны. Не случайно в этой связи историческая наука оказалась в эту эпоху ближе к человеку, чем историческая наука предшествующего времени, эпохи Просвещения. Поэтому в концепциях истории эпохи романтизма человек

занимал заметное место, а все явления и процессы анализировались в свете роли в них общества и человека. Это наследие культуры романтизма оказалось воспринято в исторической мысли последующего времени, в частности, середины XIX в., к которому относится курс лекций Т. Н. Грановского.

Еще одним наследием культуры эпохи романтизма, воспринятым в последующий период развития историографии, была близость некоторых исторических трудов к литературным произведениям. В рамках содержащихся в них сюжетов люди показаны как исключительно активные акторы истории, а образы исторических деятелей имеют благодаря этому не только научное, но и художественное содержание. Общие процессы в западноевропейских странах и в отдельных государствах находили свое выражение в действиях конкретных личностей. Не случайно поэтому в курсе лекций Т. Н. Грановского присутствуют образы совершенно разных людей. Это не только позволяет понять конкретный ход и содержание истории. Оно дает возможность представить человека изучаемого времени, типичные особенности характеров и их проявлений во взаимных отношениях. И, таким образом, художественные образы позволяют более полно, глубоко и конкретно решить такую общую задачу исторического и всякого гуманитарного научного познания, как понимание человека прошлого и культуры его времени. Такая задача в то время в научном гуманитарном познании еще не была вполне осознана и четко сформулирована. Произойдет это только на новом этапе развития исторической науки, на рубеже XIX–XX вв. [1,7] Но внимание к человеку

в истории и создание историко-литературных образов людей в эпоху романтизма, и в дальнейшем, под воздействием романтизма, способствовало подготовке к этому. Относилось это и к курсу лекций по новой европейской истории Грановского, в котором исторические сюжеты разворачиваются в раскрытии исторических образов людей.

Образ является одной из сложных категорий, в которой находит выражение как личность его создателя, писателя или историка, так и тот материал, на основе которого был создан данный образ. В этой связи под образом художественного творчества или исторической науки следует понимать реальность (прошлого и настоящего), сформированную сознанием и воображением автора и нашедшим выражение в художественном или научно-историческом произведении. Образность выполняет в произведении задачу, возложенную на нее автором, и имеет, следовательно, субъективную природу. Как обращал внимание выдающийся филолог-славист А. А. Потебня, «цель образности есть приближение значения образа к нашему пониманию и так как без этого образность лишена смысла, то образ должен быть нам более известен, чем объясняемое им» [2, 291]. По мнению Б. А. Соколова, образ составляет часть более общей категории, обозначающей единство произведения, которой является стиль. По его словам, стиль «становится категорией эстетической, аналогичной рисунку, колориту, перспективе в живописи или мелосу, гармонии, ритму в музыке», и в нем проявляется «некое художественное целое» [3, 24–25].

Среди множества исторических образов большой эпохи, охватывавшей два столетия, выделяются определенные культурно-исторические типы, через личность и деятельность которых выражаются характерные черты своего времени и отдельных его явлений и процессов.

Одним из таких значимых исторических типов начала нового времени является король, который шел на разрыв со средневековой традицией и с общественной системой, породившей вообще королевскую власть в странах Европы. К таким королям принадлежал французский монарх Людовик XI, занимавший престол в 1461–1483 гг. Это был, по словам Грановского, «король среднего сословия с его ненавистью к феодализму». Для его характеристики он использовал такой литературный источник, как народные предания. Со ссылкой на одно из них он писал, что «на один турнир... Людвиг смотрел из окошек своего дворца и особенно забавлялся следующим: незнакомый рыцарь явился на турнир и страшно избивал рыцарей; говорят, что это был мясник, подсланный королем» [4, 17–18]. Он, таким образом, к демонстрации боевых доблестей и воинского мастерства, к широко распространенной в западноевропейских странах средневековой традиции, относился с явной насмешкой. Он обращал

внимание на то, что поведение короля резко отличалось от того, что было принято среди феодальной знати вообще. Так, он представил сцену въезда в Париж герцога бургундского Филиппа и Людовика XI. Герцог, по его словам, «въехал в город, как настоящий феодальный властитель, великолепно одетый, окруженный блестящим рыцарством». Людовик XI, в отличие от него, представлялся при въезде очень скромно, «одетый в платье среднего сословия», и такая «простота привлекла к нему сердца городского народонаселения» [4, 17].

Вместе с тем, как подчеркивал Грановский, Людовик XI не был королем горожан. Целью его политики было объединение под его властью всей страны, им владела «мысль о сосредоточении власти административной». Он при этом «не был врагом горожан», но «общину как отдельную республику» «гнал немилосердно» и «заменял выборных городских своими чиновниками» [4, 26]. Ради единства Франции он не прочь был идти на нарушения традиционных представлений о королевской власти, и, «разрушая все средневековые идеалы, он не дорожил и честью» [4, 22], – подчеркивал Грановский. Делал это он ради того, чтобы сохранить власть при признании себя принцем при английском короле Эдуарде IV, или вассалом английского короля. Против своих феодальных противников во Франции он ради объединения страны действовал «с усиленной жестокостью» [4, 25], что также вполне соответствовало политике монархий по объединению государств.

Литературный образ становится более ярким благодаря контрасту с образами, в которых были сосредоточены другие, противоположные качества. Для более яркого и точного представления об особенностях личности Людовика XI Грановский использовал метод сравнения и сопоставил короля с наиболее значительным его противником, герцогом Бургундии Карлом Смелым. Такое сравнение, как подчеркивал историк, имелось в исторических романах, в частности, у Вальтера Скотта. Но, в отличие от великого шотландского романиста, русский историк, прибегая к такому сравнению, оставался на позициях историзма. Так, говоря о Карле Смелом, он подчеркивал, что герцог был не просто «последний представитель феодализма в Европе, которая оторвалась от феодализма», не являлся «каким-то бешеным, неистовым человеком», каким он был представлен в художественной литературе. Грановский отмечал, что он «был человек далеко недюжинный, образованный» [4, 21], и «смотрел назад, но употреблял для своей цели новые средства» [4, 22]. Но и при опоре на такое сравнение Грановский выявил новые черты, которыми условия нового времени наделяли монарха по сравнению с королями европейского средневековья, и что даже личность смотревшего в прошлое Карла Смелого была наделена некоторыми новыми чертами.

Грановский обращал внимание на то, что Людовик XI – «типическое лицо, в котором выражается характер большей части государей этого времени: Генрих VII Английский, Фердинанд Католик в Испании», «представитель» [4, 26] исторического типа монархов, проводивших политику по формированию государственного единства и укреплению монархической власти. Также, указывал Грановский, «чуждался тех добродетелей, которые прежде составляли идеал рыцарских доблестей», [4, 30], английский король Генрих VII. Еще одним ярким образом подобного монарха, созданным Грановским, был образ Цезаря Борджиа, сына папы Александра VI, который вынашивал в конце XV – начале XVI вв. планы государственного объединения Италии. Как характеризовал его историк, он был «человек необычайно деятельный», и в то же время «чрезвычайно даровитый, любитель и покровитель наук и искусств». Он выделял причину его популярности в народе, объясняя это тем, что он был правитель «справедливый», а «в городах ему подвластных удары его не падали на низшие сословия». Но он вскрывал глубоко неоднозначную природу личности этого итальянского исторического деятеля, и созданный им образ Цезаря Борджиа оказался глубоко противоречивым. При всех его положительных чертах он был, по словам Грановского, крайне неразборчивым при использовании средств для достижения своих целей. Им практиковались «тайные отравы, измена», и вообще был человек, «потерявший всякое различие между добром и злом» [4, 58]. Для Макиавелли, идеалом которого было сильное государство наподобие Римской империи, «характер Цезаря имел... тайную прелесть: он смотрел на него не с ужасом, а с тайным удовольствием» [4, 59]. Но противоречия в личности Цезаря Борджиа, выявленные и четко представленные Грановским, отражали противоречия итальянской жизни эпохи, когда в сознании общества сформировалась идея объединения страны. Цезарь Борджиа представлялся многим итальянцам в роли выразителя этой идеи. Отсутствие необходимых предпосылок для объединения страны создавало условия для появления и подобного правителя, и идеи оправдания любых его действий политической целесообразностью и представлением о каких-то высших интересах государства, как это содержалось в самом знаменитом сочинении Макиавелли.

Образ исторической личности раннего нового времени, в которой совмещались черты тирана и религиозного реформатора, Грановский выразил в английском короле Генрихе VIII. Характер его, а также стремление сохранить многое из традиций католической церкви при передаче в руки короля высшей церковной власти приводили к тому, что, по оценке Грановского, в его действиях было «мало последовательности» [4, 137]. Отсюда, в свою оче-

редь, в проведении этим королем церковной реформы вообще «было что-то нестройное, нерешительное, только туманившее понятия народа и готовившее его к кровавым переворотам, которые и имели место в XVII веке», когда он, например, то разрешал использование английского перевода Библии, то запрещал его. Грановский также подчеркивал, что какой-либо пользы для государства от конфискации огромных церковных имуществ при этом короле не было, поскольку «монастырские земли розданы были любимцам или расточены самым бесполезным образом». Очень точно историк также отметил, что «личные страсти короля не могли также иметь благотворного влияния на народную нравственность, не могли усилить уважение к нему» [4, 138]. И, конечно же, не могла пройти мимо внимания историка страшная жестокость короля, когда на эшафоте погибли две его жены, Анна Болейн и Екатерина Говард, и вообще, почти «каждая знатная фамилия принесла кого-нибудь из своих членов в жертву подозрительности короля. Протестанты гибли как еретики, католики как ослушники» [4, 139]. Образ Генриха VIII оказался, возможно, наиболее отталкивающим и отвратительным среди всех исторических личностей, которые упоминались в лекционном курсе. Но, впрочем, едва ли значительно уступал образу Генриха VIII в этом отношении образ его дочери Марии, находившейся на престоле в 1553–1558 гг., получившей прозвище Кровавой. Ее политика, направленная на восстановление господства католической церкви в Англии, отличалась тиранией едва ли меньшей, чем это было при ее отце, установившем новые церковные порядки. Грановский указывал, что при Марии была создана особая комиссия, которой «поручено было исследование религиозных преступлений». В результате «в 4 года 290 человек приговорены были к смерти, в том числе 40 детей». Как внимательный историк, Грановский заметил при этом, что «нельзя полагаться на верность цифр, приводимых протестантами и католическим историком Лингардом». Но, тем не менее, он считал возможным делать вывод, что «на основании достоверных источников число жертв простирается до 290 человек» [4, 145]. Не случайно поэтому, по его словам, «царствование Марии оставило после себя тяжелые следы в воспоминаниях английского народа» [4, 146]. По существу, образы Генриха VIII и Марии Кровавой взаимно дополняют коллективный образ Реформации и контрреформации в Англии как явлений, оставивших очень глубокий след в сознании общества и во многом подготовивших революцию, которая началась почти через сто лет после Марии.

Еще одним исключительно значимым историческим типом эпохи является религиозный проповедник и реформатор. Наиболее крупным из них был Мартин Лютер в Германии, который внес очень

большой вклад в раскол западной церкви и в возникновение протестантизма. Но наиболее последовательно, настойчиво и жестко пытался внедрить в повседневную жизнь новые религиозные правила и установки женевец Жан Кальвин. Он, по словам Грановского, прибыв в Женеву, «поразил всех строгим характером своего учения и своей непреклонной личностью. Он требовал исправления нравов, самой строгой жизни; он налагал запрещения на самые невинные удовольствия» и образовал в городе «консисториум» из протестантских пасторов, и им «поручил надзор за нравственностью граждан». Но Кальвин не только следил за морально-нравственным обликом женецев. В 1547 г. «некто Жан Грюе был казнен за еретические мнения и за то, что дурно говорил о Кальвине». Затем, через шесть лет, был сожжен на костре испанский врач Серведа за его богословские сочинения, в одном из которых «было много резкого до дерзости». Между тем, отмечал Грановский, Кальвин пользовался поддержкой жителей Женевы, что «основывалось преимущественно на нравственной силе его характера; он сам подавал пример другим строгостью над самим собой. Бескорыстный, неутомимый деятель, суровый к самому себе, он внушал если не любовь и симпатию, то доверие и уважение» [4, с.135]. Обращая внимание на различие в характерах Лютера и Кальвина, историк подчеркивал связь их с внутренним содержанием их учений. Так, по его словам, в учении Лютера «нельзя отвергать природного немцам какого-то добродушия». В то же время «Кальвин обращался к одной сухой и суровой логике; все, что было теплого в католическом учении, все то отверг он», и «все поэтическое содержание католицизма было им отвергнуто» [4, 136]. Таким был созданный им образ мрачного и фанатичного проповедника, типичный постольку, поскольку подобный тип личности и деятельности был востребован обществом того времени. Это было доказано, подчеркивал Грановский, опытом не только Женевы, но и Франции, Шотландии, отчасти в Германии, где проявлялось увлечение кальвинизмом. Вместе с тем он обращал внимание на происхождение Кальвина из Пикардии, откуда вообще «были люди большею частью отвлеченной, строгой, неумолимой диалектики». И уже, проводя исторические параллели, он замечал, что из Пикардии «вышли начальники "Горы" в первую французскую революцию», и вообще «между ними и Кальвином было много сходного» [4, 132]. В образе мрачного фанатика Кальвина он видел прообраз будущих монтаньяров времени Великой Французской буржуазной революции, с таким же мрачным фанатизмом проводивших с помощью гильотины свои представления об идеальном и справедливом общественном устройстве.

Кальвин, однако, не выступал в роли народного вождя, он в наиболее концентрированном виде вы-

ражал мнение бюргерства о необходимости замены дорогой и пышной римско-католической церкви новой, реформированной, причем дешевой церковью. Европейский мир, однако, породил в XV–XVI вв. народных вождей, образы которых также были созданы Грановским. К наиболее ярким из них относится образ флорентийского проповедника XV в., доминиканского монаха Джироламо Савонаролы, решительный и мрачный. Историк отмечал, что даже в условиях кризиса римско-католической церкви Савонарола «не касался католических догматов». Тем не менее, народное возмущение церковью и государством он выразил тем, что «хотел нравственных изменений в сфере самого католицизма и государства». Этот «пламенный проповедник, но односторонний и суровый», «восставал против владычества Медичисов» и «требовал, чтобы власть была возвращена народу», но при этом считал необходимым, чтобы «народ отрекся бы от привычек роскоши и богатства». На этой почве он «начал гонение на искусство». Грановский давал краткое, но очень яркое описание действий во Флоренции Савонаролы и его сторонников: «Женщины должны были истреблять свои наряды; музыкальные инструменты, картины, книги, собираемые через них приверженцами Савонаролы, были сожигаемые на площади Флоренции». По оценке историка, это «противоречило общей образованной мысли» и не могло в конечном счете иметь успех. Не случайно поэтому Савонарола погиб в 1498 г., когда «был сожжен после долгих мучений» [4, 77].

Еще одним народным вождем, о котором писал Грановский, был предводитель крестьянской войны в Германии 1524–1525 гг. Томас Мюнцер. Когда немецкие крестьяне оказались в очень тяжелом положении, появились проповедники, которые «обещали им не только духовные, но и мирские блага». Тогда и началась крестьянская война, развернутая, по словам Грановского, «массами невежественными, фанатическими, не знавшими пределов своим требованиям». Во главе их стал «Фома Мюнцер, фанатик, живший в видениях, лишенный смысла действительности, думавший об освобождении всех народов и тварей» [4, 97]. Грановский не считал достоверным романтический образ Мюнцера, созданный И. В. Гете, поскольку Мюнцер, как отмечал историк, «стал во главе крестьян, но при их неудаче тайком бросил их и ушел» [4, 98].

Образы народных вождей, выведенные Грановским, получились не только весьма яркими и колоритными, но и отталкивающими. И Савонарола, и Мюнцер были выведены им в качестве совершенно очевидных фанатиков. Но их фанатизм, как подчеркивал он, в полной мере соответствовал народным настроениям и устремлениям флорентийских горожан и немецких крестьян. Особенно мрачным фанатиком был представлен Грановским Савонаро-

ла. Что же касается Мюнцера, то историк не прошел мимо его попытки бросить крестьян, которая окончилась неудачей.

Значительно более привлекательными оказывались у Грановского образы мыслителей-реформаторов, за исключением автора «Государя» Н. Макиавелли, сторонника установления в Италии диктаторского правления. К таким привлекательным образам относятся Иоганн Рейхлин, Эразм Роттердамский и Ульрих фон Гуттен. И. Рейхлин, стоявший у истоков гуманистического движения в Германии, был «человек строгий, нравственный, исключительно преданный своим занятиям» [4, 65]. Не любивший споров, он, тем не менее, решительно выступил против доминиканцев в Кёльне, где из них «составляли инквизиционное судилище» [4, 66] и требовали от императора сжечь еврейские книги. [5, 31–37] Так с 1510 г. началась «распря» «гуманистов и обскурантов» [4, 66]. Рейхлин выступал в ней в рядах гуманистов и противников доминиканцев и отстаивал необходимость сохранения еврейских книг, через изучение которых он видел путь к Библии, не измененной латинскими переводами. Эразм, «человек образованнейший, враг схоластики», был, по характеристике Грановского, «одарен в высокой степени пониманием современного направления и потребностей». При всем своем интересе к античности и к «горацианской философии» он, однако, «не вдавался в крайность итальянцев, забывших христианство». Характерная для него «некоторая насмешливость» позволила ему создать одно из наиболее известных сочинений эпохи – «Похвала глупости», в котором особенно нападал на монахов, поскольку монашеская среда была ему хорошо известна. В то же время, как отмечал Грановский, он отличался «чрезвычайной осторожностью», «не люб... распрей» и «не любил даже, чтобы в его присутствии произносили слово смерть» [4, 67]. Несравненно более решительно выступал против монашества и церкви фон Гуттен. Его сочинение против монахов-доминиканцев отличалось крайней резкостью, в нем остро и точно «выведены темные стороны старого направления, грешные стороны в жизни западного монашества» [4, 68]. Грановский подчеркивал, что такое сочинение вполне соответствует «характеру его, бесстрашному, любившему опасности» [4, 69].

При сравнении образов Рейхлина, Эразма и фон Гуттена с Макиавелли, которое было проведено Грановским, наглядно обнаруживались отличия между итальянским Возрождением и гуманистической мыслью в Германии. И если Макиавелли обвинял христианство с позиций римских идеалов и добродетелей, то в немецком гуманизме он видел иное направление. Оно было «двоякое» и включало одновременно «возврат к классической древности и возврат к первобытной чистоте христианской нравственности» [4, 69]. Образы немецких гумани-

стов, созданные Грановским, позволяют представить нравственные, интеллектуальные и идейные предпосылки Реформации, возглавленной несколько позже М. Лютером. Так создание образов гуманистов позволило Грановскому более четко выявить особенности гуманистической мысли в Германии и Италии.

Английская история первой половины XVI в. при короле Генрихе VIII также давала Грановскому материал для создания образов гуманистов, смело и решительно делавших попытку противостояния тирании. Он писал, как епископ рочестерский Фишер, «муж великой учености и добродетели», воспротивился разводу Генриха VIII с Екатериной Арагонской, указывая, что «Генрих не богослов и потому сам не может произносить такого рода решений» [4, 137]. Это был также друг Эразма и автор «Утопии» Томас Мор, излагавший в своем сочинении учение об идеальном государстве. Они, кроме того, отказывались в 1534 г. давать присягу на верность королю как главе новой англиканской церкви. Как отмечал Грановский, оба были казнены. Образы этих гуманистов в курсе Грановского помогают более конкретно представить характер королевской власти в Англии при Генрихе VIII с ее произволом и тиранией, когда король не только уничтожал своих противников, но и стал во главе реформированной англиканской церкви.

Образы, созданные Грановским, относились не только к личностям, но и к событиям. Один из наиболее ярких – образ Варфоломеевой ночи в Париже в ночь на 24 августа 1572 г. Грановский рассматривал это событие как один из этапов религиозных войн во Франции между католиками и гугенотами. Он связывал его со стремлением партии Гизов к мести за смерть отца, Франсуа Гиза, убитого протестантами в 1563 г., и поддержкой организации этих кровавых событий со стороны матери короля Карла IX, Екатерины Медичи. В эту ночь, как отмечал Грановский, по всей Франции пало не менее тридцати тысяч человек, причем «не одних протестантов, но и католиков». Событие получило общеевропейский отклик. Так, «Елизавета Английская, получив о нем известие, хотела даже выслать французского посла из Лондона, и когда его приняла потом, то вышла в трауре», – отмечал Грановский. Зато в Риме и Мадриде Варфоломееву ночь «праздновали молебствиями и освещением города». Последствием Варфоломеевой ночи историк считал то, что кровавое событие «не утетило, но только раздражило вражду протестантов» [4, 200], и религиозные войны во Франции продолжались. Образ событий Варфоломеевской ночи, созданный Грановским, наглядно свидетельствовал о глубине внутреннего кризиса французского общества раннего нового времени и о видении им перспектив его разрешения только военным путем, как это было вплоть до правления

Генриха IV и Нантского эдикта 1598 г., положившего конец религиозным войнам.

Образы европейского раннего нового времени, созданные Т. Н. Грановским, обладают высокой исторической достоверностью, большой художественной силой и выразительностью. Они интересны сами по себе. Вместе с тем они интересны также в связи с тем, что в них выражены некоторые типичные жизненные ориентиры и биографии эпохи, выражающие определенный исторический тип своего времени. Через эти личности слушатели лекционного курса и читатели получают наглядное представление о раннем новом времени как о большом историческом периоде, когда в европейском мире происходили крупные, принципиальные изменения, и когда постепенно на месте человека средневековья формировалась личность нового времени. Эпоха освобождала такую личность от многих ограничений

прошлого, благодаря чему создавался простор для становления и развития человека нового времени, нового европейского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) / Л. П. Репина // История через личность: историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. – М. : Кругъ, 2005. С. 5–16.
2. Потебня А.А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня. – Харьков, 1905.
3. Соколов А.Б. Теория стиля / А. Б. Соколов. – М. : Искусство, 1968.
4. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья / Т. Н. Грановский. – Сост. С. А. Асиновская. – М. : Наука, 1986.
5. Ионкис Г. Евреи и немцы в контексте истории и культуры / Г. Ионкис. – СПб. : Алетейя, 2009.

Южный федеральный университет

*Шевцова О. Н., кандидат филологических наук, доцент
кафедры речевых коммуникаций и издательского дела*

E-mail : oksana_shevtsova@bk.ru

South federal university

*Shevtsova O. N., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Speech Communications and Publishing Department*

E-mail : oksana_shevtsova@bk.ru